

ЛЕЙДОСКОП

Сего^Фня

СТЕРЖЕНЬ ЖИЗНИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ВОЛЯ – НЕВОЛЯ.

- Дальше, дальше ... Он помолчал.

А дальше была весна, шел тяжелый, голодный тридцать первый...

У Файнинки от маменьки осталась большая вязаная шерстяная шаль, с которой она не расставалась никогда. Даже на пересылке, когда тетка пыталась забрать, Файнинка закатила такой концерт, что пара милиционеров, которые боролись с ней, отступили.

- Да ну её, падучую! Бешеная какая-то!

А Файка разошлась! Ей виделось, что все беды - из-за них. Они что - не понимают, что это мамино? Это маменька ей вязала ночами. И говорила:

- Вот, доченька, зима наступит, а у тебя шалька есть, мяконькая такая. Как ты, тепленькая и легонькая. Головушка-то в тепле, да и умок хранится! Все память - то мамкина будет. Кто его знает, что дальше-то.

Вот и сгодилась шалька-то. Бежали с детдома ребятишки. Не всем везло, многих ловили, вертари. Те, кто вернулись, рассказывали. В городе тоже голодно, но на базаре и около «крепких» домов прокормиться можно, да и мир не без добрых людей. Правда, боязно, голод людышек до греха доводил. Поговаривали, что люди - людей едят! Особо тех, кого никто не ищет. Но все одно - бежали.

Я слушал. Мотал на ус. Говорил с сестрой. Конечно, страшно было. Она ведь на годок младше меня. Не знаю, почему, но решили бежать. Да и мысль была: «а вдруг своих найду». Из детских воспоминаний брезжила одна фраза, мамкой как-то брошена:

- Дядька у нас есть. Крепкий мужик. Если совсем невмоготу будет, ищите в городе. Правда, в каком городе - не помчишь. Но

- Постой здесь, Я лацанов приглядел. Поговорить надо.

- А ты меня не бросишь?

- Я!? Тебя? Ты что, совсем дура? Я ж без тебя и шага не сделаю. Сказал - стой! Жди!

Так потихонечку, помаленечку познакомились мы с такой же разношерстной местной, а скорее, не местной, а сбродной шпаной. Правда, с Файнинкой возникли в первое время заморочки. Но когда случалось, было надо - лучше ее слезливого выражения лица не работали никакие доводы.

Конечно, на базаре пропитаться было легче: где что стащишь, где кто подаст, а где что выбросят. Но выбрасывали, конечно же, не совсем хорошее, скорее, даже нехорошее, но пригодное в пищу нам. Каждый вечер на базаре проходили проверки и даже облавы. Мы про это знали и заранее готовились. Оповещали друг друга повсеместно, что бы ни случилось и по любому поводу. Компаний таких было несколько. Жили не то что бы дружно, но мирно и чужим в обиду не давали. В двух противоположных сторонах базара от входа были изготовлены тайные проходы в виде подкопов. В случае, когда кто-то замечал облаву, объявляли «шухер» и в течение нескольких секунд базар освобождался от беспризорников. Ловили только одиночек или чужаков, пожлавших поживиться на нашей территории. Спали летом, как правило, под прилавками. Под прилавками в течение дня сбивался толстый слой пыли. Пыль хорошо прогревалась, и если ее разгрести, вдоль прилавка полу-

ших денег. Видимо, он собирал деньги для семьи, торгая на базаре фруктами, а сам голодал?! Конечно, в этот день мы купили хлеба и наелись. То был маленький праздник! Теперь, вспоминая этот случай, я часто задумываюсь о судьбе: как она бывает несправедлива к нам, порой жестока, коварна, а порой милостища не по заслугам. Так незаметно пролетело жаркое лето. Наступила осень. Стало прохладно, пошли дожди, ночевать было негде, мы решили сдаться в руки милиции. В очередную облаву нас поймали. Привезли в приемник, переписали, помыли, переодели в казенную одежду и привезли в детдом. Там ничего не изменилось, правда, кормили лучше. Поменялись несколько воспитателей, сделали деревянные нарты, выдавали постель. Стали учить грамоте. Занимались все вместе, те, кто немного умел читать, и те, кто не знал алфавита.

Вечером того дня к нам на сенокос пожаловал мужик из соседнего села, что расположи-

мужик. Если совсем невмоготу будет, ищите в городе. Правда, в каком городе - не помнил. Но знал, что работает на железной дороге.

Бежали. Ночью, как будто по нужде вышли, сначала я, а уж потом она. Лето наступило. Договорились лечь возле дверей. А летом двери настежь - душно было. Прокрались к пристройкам, я помог ей взобраться на крышу, а после и сам залез. А с крыши по шали спустил ее и сам спрыгнул. Бежали по дороге, свернуть боялись, а город светился огнями, манил. В городе еще страшней стало. Какими-то переулками пробирались, неведомо куда. Зашли в садик, а может, парк, в кусты, одним словом. Там, до утра и просидели. Рассвело, вышли, присмотрелись. Дома, как в деревне, только в ряд все и какие-то смешные. Ни огородов тебе, ни пристроек. Маршировать долго не стали. Увидели тетку, спросили:

- Тetenъка, мы с вечера от мамки отстали. В гостях были, она на базаре торговать приехала. В какой стороне базар-то?

- Э-э-э, милки, да вы ж беспризорники!

- Нет-нет, мы от мамки отстали...

- Знамо дело. А базар вам зачем?

- К мамке хочу! - тут Файнъка как расплакалась. Тетка сразу мягче сделалась.

- Да Бог с вами, миленькие. Вот по следующей улице свернете направо и до конца и шагайте. А там, где погуще народу будет, спросите, да там до базара недалеко будет.

Так, с грехом пополам нашли мы базар. Народицу много, шумно. Продают чего-то, покупают. Ходили мы, ходили, глядели-глядели, всего много, но до нас никому дела нет. Файнъка первая заскутила:

- Я есть хочу! Давай попросим или украдем?

вался толстый слой снега. Голова хорошо прогревалась, и если ее разгрести, вдоль прилавка получалось шикарное, мягкое ложе. Ложившись в канавку и присыпавшись с двух сторон, оставляя

вечером того дня к нам на сенокос пожаловал мужик из соседнего села, что расположилось за рекой. Просил у бригадира на ночь конную сенокосилку покосить на той стороне в

только одно лицо. Утром, как только открывался базар, мы вылезали, потихоньку отряхивались и приводили себя в порядок. Примерно через день бегали на речку, купались, стирали одежду. Времени было валом! Единственной заботой было - добывать пропитание и любой ценой оставаться свободными!

Помню такой случай. Однажды в дальнем конце базара, недалеко, где в заборе была дырка, мы заметили одиноко сидящего дядьку. Он сидел на кирточках, и, как нам показалось, спал. В руках и возле него ничего не было. Одет он был в халат, на голове красовался свитый в жгут не то шарф, не то платок, на поясе был точно большой платок. Сидел он так с самого утра. Понаблюдали за ним и поняли, что он мертв. Проверили карманы - пусто. Значит, умер с голоду. Как же мы были удивлены, когда развязали платок на поясе и обнаружили много денег. Сумма была немалая, хотя и хлеб стоил боль-

кустах сено. Ночи были лунные, потому светлые. Кони у мужика свои, сохранность обещал полную. С бригадиром они были хорошими знакомыми, потому тот согласился. Мой собеседник вызвался помочь, они с мужиком тоже хорошо знали друг друга. Удивительно, но утром только рассвело, сенокосилка была на месте. Мой собеседник был на удивление свеж, как будто проспал всю ночь в шалаше!

- Дружка своего вчера встретил, давнишнего. Вместе в детдоме были. Там косить у него клочок небольшой на приметок, если будет - хорошо, - как бы между прочим заметил он.

- Денег сегодня славный будет! Видишь, роса упала! Косить по росе хорошо! Позавтракаем, да, пожалуй, начну.

Вечерком, лежа у костра, он как-то сразу, без предисловия стал вспоминать...

Продолжение следует...

Владимир ПОЛЯКОВ

15.09.11 г.